Дом-музей Цветаевой
НОВОСИБИРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ОБЛАСТНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ

Варлам Шаламов.

МЫСЛИМЫЙ РАЗГОВОР С БОРИСОМ ПАСТЕРНАКОМ.

Дом Цветаевой
НОВОСИБИРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОБЛАСТНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ

Пастернак и Шаламов.

... Я видел Вас один раз в жизни. Не то в 1933 году или в 1932 - м в Москве в клубе МГУ. Вы читали "Второе рождение", а я сидел, забившись в угол, в темноте зала и думал, что счастье - вот здесь, сейчас - в том, что я вижу настоящего поэта и настоящего человека - такого я представлял себе с тех пор, как познакомился со стихами. Всего за несколько лет я был огрошен и подавлен строками: "Февраль. Достать чернил и плакать. Писать о феврале навзрыд" и т.д. Я волновался и не понимал, какую силу и глаз надо иметь, чтобы написать такие стихи. И с того времени каждая Ваша строка, бывшая в печати, привлекала и тревожила меня. ...

... Позднее, когда я встретился со стихами Анненского и они стали очередным откровением для меня - мне было ясно, что поэтические идеи Анненского близки Вашим. Вы пишите о влияниях. Я никогда как-то не доверял этому понятию. Мне казалось, что в ряде случаев (и в моем также) дело не во влиянии, а в исповедывании одной и той же веры. Влияние- это порабощение, а единоверии - это свобода.

Я всей душой согласен с Вами, что писание стихов как самоцель - чушь. Но ведь как рождалось то и росло: игра, в которой ощущаешь силу, голос старых мастеров, от которого перехватывает дыхание, топотанье стихов в мозгу - такое неотвязное, что легче становится только тогда, когда запишешь их, мир, который с каждым годом всё покорнее ложится на бумагу.

А потом - ведь с юности думалось, как бы послужить людям, принести хоть какую-нибудь пользу, не даром прожить жизнь, сделать что-то, чтобы люди были лучше, чтобы жизнь была теплей и человечней. И если чувствуешь в себе силу сделать это стихами, в искусстве - тогда все другие пути теряются в тумане и все становится не важным, подчас и сама жизнь. Так много растеряно, брошено, убито, не достигнуто, и только самое дорогое пронесено через всю жизнь: любовь к жене и стихам.

К тому же я верю давно в страшную силу искусства, силу, не поддающуюся никаким измерениям и все же могучую, ни с чем не сравнимую силу.

Вечность этих Джиоконд и Инфант, где каждый находит свое смутное, не осознанное и волнующее, и художник, умеющий много веков назад, силой своего искусства воспитывает людей до сих пор, что может быть завидней такой силы и какое счастье может ощущать тот, кто положил камень в это вечное здание. Я никогда ни с кем не сравниваю, я снимаю понятие масштабов.

И как бы ни была грандиозна сила другого поэта - она не заставит меня замолчать. Пусть в тысячу раз слабее выражено виденное мною- это впервые сказано. Я счастлив оттого, что я понимаю, ощущаю, как писалась эта картина, я понимаю волнение художника и завидую ему, понимая его душу, понимаю, как он говорил с жизнью и как жизнь говорила с ним. И больше того: я глубоко убежден, что искусство- это бессмертие души)жизни). Что то, чего коснулось искусство, -умрет рано или поздно.

Дом Цветаевой
НОВОСИБИРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОБЛАСТНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ

Стихи я пишу с детства,давно,но,кажется,никогда показывать их кому-либо не пробывал и впервые показал вот Вам. Все,что было написано раньше,-безвозвратно потеряно,да мне и не жаль тех стихов. Мне жаль стихов последних лет - их растеряно немало,и только десятая,может быть, часть показана Вам.

Может быть,Вам смешно читать эти наивные строки.Я ничего не понимаю в теоретической стороне.Я просто объясняю Вам - почему я пишу стихи.Притом я уже ничего не могу с собой поделать - то,что заставляет брать карандаш и бумагу,-сильнее меня.

Притом смею надеяться,что все,написанное мной - меньше всего литература. Я пишу и не вижу конца всему тому,что мне хочется сказать и рассказать Вам.Вижу у себя тысячи недостатков,кроме указанных Вами,но все же написанное мною - стихи,и общение с жизнью на этой дороге - оправдано.

Вы говорите много верного,но кое в чем я не могу согласиться с Вами. И прежде всего - о зачеркивании прошлого,Ваших прошлых работ.Этот мотив переполняет Ваши последние сборники,и стало быть,я знал это и раньше Вашего письма. Не чересчур ли жестоко это отречение? Я понимаю,что строгий мастер растет и живет,отрицая и уничтожая самого себя,но я помню,знаю и другое.Ведь я знаю людей,которые жили,выжили благодаря вашим стихам, благодаря тому ощущению мира,которое сообщалось Вашими стихами- именно теми,которые предают сейчас сожжению. Думали ли Вы об этом когда-нибудь? О людях,которые остались людьми только потому,что с ними были Ваши слова, Ваши рисунки и мысли? Что стихи читались,как молитвы.Не в том дело,что " "ученики" брошены,стихи-то живут ведь и без Вас. К тому же это вовсе и не ученики. Но была же в стихах этих такая жизнь и сила которая,повторяю,людей сохранила людьми. ...

... За эту переписку задет такой большой кусок моей жизни,что и не писать Вам я не могу,хотя и чувствую,что врываюсь в Ваше спокойствие,в Ваше здоровье и силы и чересчур жадно и беззастенчиво пользуюсь Вашим вниманием,деликатностью и сердечностью.Я чувствую себя как-то виноватым перед Вами и все-таки пишу.

Я слишком рано оторван от общественной жизни,от культурной жизни, чтобы жалеть об этом.Чтобы желать чего-либо другого,кроме прояснения вопросов этих для себя.

Я продолжаю тот,наверное,бесконечный список вопросов,который я начал развертывать перед Вами в прошлых письмах.

Нет слов с одинаковым значением для каждого,с одинаковым смысловым содержанием.Даже такое,казалось бы,универсальное слово,как "смерть",отнюдь не воспринимается всеми людьми одинаково.В Вашем вопросе поэтическая интонация сообщает слову (за которым стоит понятие) смысловые оттенки. Это обстоятельство,бесспорность которого очевидна для поэта (да и не только для поэта),определяет то,что поэт пишет для самого себя,хочет,по Флоберу,"нравиться самому себе",ищет ясности ощущения в самом себе,находит её

Дом Цветаевой
НОВОСИБИРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОБЛАСТНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ

и увлекает других собственным ощущением слова,события,темы.Подлинная поэзия,конечно,земная поэзия.всегда. Но не арифметическая поэзия.Подлинная поэзия предстает как некий алгебраический ряд,алгеброическая задача,куда каждый читатель может вносить свою арифметику,делать свои жизненные,арифметические подставки.

Именно эти находки - теоремы и формулы - делают гениев,и в этом одна из главнейших причин вечности,скажем,Шекспира.

Есть другая поэзия - оперирующая арифметическими величинами,когда читательской работы не требуется и приводится цифровая выкладка,делается однократное и тем самым не вечное,а временное решение задачи.Примеров этой второй,арифметической поэзии приводить не надо.

Алгебраическими величинами поэт может сделать любые слова,ибо поэтических слов,как таковых,нет.Но есть поэтический ряд,расположение слов.Зачем (почему) его читают? Почему "Ромео и Джульетта" даже в кино,искусстве по сравнению с театром,второсортном,волнует до слез людей,которым,казалось бы,вовсе и всячески чужда жизнь Вероны,итальянского города,о котором написал англичанин,никогда не видавший ни её,ни её лдей в глаза? Не быт же ходят изучать по Шекспиру? Я еще не видет в исторических музеях плачущих лёдей,я видел их только в художественных галереях.(...)

"Алгебра" в поэзии - это,конечно,не "символы" русских поэтов начала двадцатого века.Она трижды,четырежды земная,из земли родившаяся,но не возвратившаяся в землю,а продолжающая жить на земле.

Это касается ощущений "Гефсиманского сада" - горжусь ВАшей внутренней свободой и благоговею перед ней.

Удивительно и больно то,что слишком часто люди принимают за тихи вовсем другое.Стихи эти,поэтически безупречны,полны необычайной силы,прелести и задушевности. А книга эта - родник чистоты,и кто обойдется без образов этого мира? И кем бы был,например,Толстой (весь от ранних вещей до последних) без неё? ...

...Сердечно поздравляю Вас и Вашу жену с Новым годом.Хочу,чтобы Ваш Новый год был творчески сильным,чтобы в новом году была открыта Вам дорога к свободному общению с читателем.Чтобы Вы попрежнему были совестью нашего времени,чтобы не пришлось снова писать Магдалин.Чтобы Вы хранили верность своему великому искусству - с той неподкупной чистотой,как Вы это делали всю жизнь. ...

... Я прочел Ваш роман.Я никогда не думал,не мог себе даже в самых далеких моих чаяниях посдедних пятнадцати лет представить,что я буду читать Ваш ненапечатанный,неоконченный роман,да ещеп получаемый в рукописи от Вас самих.Всего два месяца назад,чужой всем окружающим,затерянный в зиме,зиме,которой вовсе и нет дела до людей,вырвавших у нее какие-то уголочки с печурками,какие-то избушки среди неизбывного камня и леса,среди чужих пьяных людей,которым нет дела ни до жизни,ни дос смерти,я пытался то робко

Дом Цветаевой
НОВОСИБИРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОБЛАСТНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ

ко,то в отчаянии стихами спасти себя от подавляющей и растлевающей душу силы этого мира,мира,к которому я так и не привык за семнадцать лет. Затерянный,но не забытый.Я вернулся и пришел в Лаврушенский.Встретился с Вами.Поймите,чем это было для меня. Поймите даже мою немоту. Ведь от встречи после разлуки с городом можно плакать на подъезде вокзала,а тут была встреча с моей женой,женщиной,подвиг которой я не могу поставить в ряд ни с чем слыханным или титанным.Ведь ожидание мужей с войны - (...) ребячество,даже по времени ребячество. Когдав все искусство,все газеты,доклады - все кричат на каждом шагу,увязывая её с мужем и провозглашая его героизм,и совсем,совсем другого масштаба дело,когда все ей кричат: "твой муж- преступник,порви с ним и ты будешь свободна от дискриминации",ее лишают службы,ей мстят всей силой государства.Она годами бедствует и плакать уже разучилась.На руках её I,5 летний ребенок.И какую нужно иметь душевную силу и веру в человека,чтобы семнадцать лет писать по I00 писем в год,встретить его на вокзале.Вот на другой день после этой встречи я и был у Вас впервые.И эту встречу,зная, чем она является для меня,она подготовила.

И встреча с дочерью,второе для меня рождение,а меня для неё - первое - я ведь оставил ее ребенком I,5 лет,а сейчас ей I8,и она студентка 2 курса.

И,наконец,в эти же два дня - это необыкновенная встреча с Вами. Кем Вы были для меня,чем были Ваши стихи для меня целых двадцать лет-об этом надо и рассказывать и писать отдельно.

Не правда ли - не слишком ли много событий для двух дней одного человека.Простите меня,-что я пишу не о романе,впрочем-это состояние, созданное его чтением,это фразы,подсказываемые Вашими героями - так что они толкнули меня на исповедь. Видите ли,Борис Леонидович,я никогда не выступал в роли литературного критика.

Я не задаю вопроса,для чего роман написан,и не отвечаю на этот вопрос.Он написан потому,что нечто тревожащее Вас требует выхода на бумагу,требует записи,и притом не стихотворной. Сильны какие-то чувства, которые поэт не вправе удержать в себе.Они живут рядом со стихами, они в сущности своей то же самое,что стихи.Остаются идеи,требующие трибуны не стихотворной.

Ваш роман поднимает много вопросов,слишком много,-для того,чтобы перечислить и развить их в одном письме.И первый вопрос- о природе русской литературы. У писателя учатся жить.Они показывают нам,что хорошо, что плохо,пугают нас,не дают нашей душе завязнуть в темных углах жизни.Нравственная содержательность есть отличительная черта русской литературы.Это осуществимо лишь тогда,когда в романе налицо правда человеческих поступков,т.е.правда характеров. Это - другое,нежели правда наблюдений.Я давно уже не читал на русском языке чего-либо русского,соответствующего адекватно литературе Толстого,Чехова и Достоевского.

Дом-музей Цветаевой
НОВОСИБИРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОБЛАСТНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ

"Доктор Живаго" лежит,безусловно,в этом большом плане.

И знаете что? Я могу следить за организацией,за композицией романа,обращать на неё внимание только тогда,когда у автора оказывается мало силы,чтобы увлечь меня своими ощущениями,мыслями,образами,словарем.

Но когда мне хочется с автором,с его героями спорить,когда я их мысли я могу противопоставить свою - или,побежденный ими,согласиться,пойти за ними,или их дополнить - я говорю с его героями,как с людьми у себя в комнате - что мне за дело до архитектуры романа.Она,вероятно,есть,как эти "внутренние своды" в "Анне Карениной",но я встречаюсь с писателем, как бедный читатель,лицом к лицу с его мыслями и чувствами - без романа, забывая о художественной ткани произведения.

Вот почему мне нет дела - роман ли "Д.Ж",или картины полувекового обихода,или еще что. Там много таких мыслей (высказанных Веденяпиным, Ларой,самим Живаго),о которых мне хочется думать,и все это отдельно от романа живет во мне,и душевная тревога,поднятая этими мыслями.

Обратили ли Вы внимание (конечно,ведь все видите и знаете),что в сотнях и тысячах произведений нет д у м а ю щ и х г е р о е в? Мне кажется,это потому,что нет д у м а ю щ и х а в т о р о в. Это в лучшем случае. К мыслям Веденяпина,Лары,Живаго я буду возвращаться много раз,записывать их,вспоминать ночью (...).

Но уж лучше по порядку,от страницы к странице.

Великолепен мальчик,рыдающий на могильном холме,протягивающий руки в повествование.

Сейчас отвыкли от такой прозы,весомой,требующей внимания.-Это я не о мальчике,а обо всем романе.

Никем вслух не уважается то,что тысячелетиями волновало человеческую душу,что отвечало на самые сокровенные её помыслы. Выработан,м.б., лучшими умами человечества и гениальными художниками язык общения человека со своей лучшей внутренней сущностью - всеми этими апостолами и позднее таким писателем,как Иоанн Златоуст,умевший управлять всеми тайнами человеческой души.(...)

Я читывал когда-то тексты литургий,тексты пасхальных служб и богослужений Страстной недели и поражался силе,глубине,художественности их-великому демократизму этой алгебры души.А в коннях своих она имела Евангелие. Толстой понимал всеконечность Христа хорошо,стремясь со своей страшной силой поднять из той же почвы новые гигантские деревья жизни. А Лютер?

И как же можно грамотному человеку уйти от вопросов христианства?

И как можно написать роман о прошлом без выяснения своего отношения к Христу.Ведь такому будет стыдно перед простой бабой,ищущей ко всенощной,которую он не видит,не хочет видеть и заставляет себя думать,что христианства нет.

А как же быть мне,видавшему богослужения на снегу,без риз,среди тысячелетних лиственниц,с наугад расчитанным востоком для алтаря,с черными

Дом Цветаевой
НОВОСИБИРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОБЛАСТНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ

белками,пугливо глядящими на таежное богослужение. (...)

Так что же такое роман,да еще доктор Живаго,которого долго-долго, до половины романа,нет,нет еще и тогда,когда во весь рост и во весь роман развернулась подлинная героиня первой половины картин - во всем своем обаянии (только отчасти - тургеневско-достоевском)- чистейшая как хрусталь,сверкающая,как ее свадебного ожерелья,-Лара Гишар.Очень Вам удался портрет ее,портрет чистоты,которого никакая грязь никаких комаровских не очернит и не запачкает. Я таких Лар,ну не таких,а поменьше,помельче,знавал. Она живая в романе.Она знает что-то более высокое,чем все другие герои романа,включая Живаго,что-то более настоящее и нужное,чем она ни с кем не умеет поделиться (хотя бы и хотела).

Имя Вы ей дали очень хорошее - это лучшее русское женское имя,это имя женщин русской горестной судьбы - имя Бесприданницы,героини удивительной пьесы,необычайной для Островского,и в то же время имя женщины, героини моей юности,женщины,в которую я по-мальчишески был влюблен без памяти,и эта влюбленность очищала,поднимала меня - если можно влюбиться,раза два видав ее издали на улицах,сотни раз перечитывая каждую строчку,которую она написала,и видеть,как ее в гробу выносят из Дома печати.На похороны Ларисы Михайловны Рейснер я не имел силы идти.Но обаяние ее и теперь со мной - она сохраняется не памятью ее физического облика,не ее удивительными книгами,начисто изъятыми из всех библиотек,нее её биографией,короткой,блестящей и стремительной - оно сохраняется в том немногом хорошем,что все-таки,смею надеяться,еще осталось во мне,противу всяких естественных законов.Вы-то знали ее,Вы даже стихотворение о ней написали.

Но я не о ней,а о Ларисе Гишар. Всё,всё правдиво в ней.И трудней-шая сцена падения Лары не высывает ничего,кроме ощущения нежности и чистоты. И даже в воспоминании о мерзком она "шагает,словно по воздуху, гордая,воодушевляющая сила". (...)

Женщины Вам удаются лучше мужчин - это,кажется,присуще самым большим нашим писателям. (...)

Теперь подойдем к вопросу,который мучает меня,который так дисгармоничен книге,который наряду с важнейшими мыслями,с тончайше-чудесными наблюдениями природы,плотно увязанными с настроениями героев,с единством "нравственного и физического мира",наиблестящим образом достигнутого,осуществленного в романе,представляет собой грубое,резко кричащее, выпадающее из всего строя романа явление,и от которого мне больно за Вас художника.

Я говорю о языке простого народа в Вашем романе.

Именно о языке,а не психологическом оправдании поступков этих людей.Ваш язык народа - всё равно - рабочий ли это,крестьянин ли,или городская прислуга. Кроме того,он одинаков для всех этих групп,чего не может быть даже сейчас,а тем более раньше,при большей разобщенности

Дом Цветаевой
НОВОСИБИРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОБЛАСТНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ

этих групп населения. Ваш народный язык - это лубок, не больше. Я знаю этот язык, и знаю слишком. Словарь там беден, бедность словаря компенсируется преимущественно интонациями за счет пересыпания речи матерщиной, а без нее он не представляет никаких "блезиров". В крестьянском быту больше поговорок, обыкновенных, обыкновенных широко известных, язык городской прислуги скуден, но в общем чист, рабочие тоже говорят обыкновенным языком и даже не любят словесных узоров, всяких художественных расцветок. (...)

Может быть, лучшее место книги - это кусок о Риме и Христе - дневник Веденяпина. Я переписал себе этот чудесный кусок и, м.б., его выучу.

И вот еще что: когда солдатчина, военщина начинает править миром, мне кажется, что если это пойдет так дальше - будет Третье пришествие и начнется история нового, второго христианства. (...)

В христианстве все дело в пришествии, в перемещении в быт.

Не палка, а музыка, сила безоружной истины - правильно.

Вот обо всем таком и надо говорить, думать, писать романы. Я раньше, до знакомства с Вами поражался, встречаясь с кем-либо из печатавшихся, - никто не интересовался таким вопросом, как что такое искусство. Я думал, они притворяются, должны же они хотя бы хотеть понимать такое.

Еще один момент важный, отличающий со всей положительностью "Доктора Живаго", - это с п о к о й с т в и е повествования. Оно иного характера, чем библейский язык или, скажем, военные отчеты, и далеко от того и другого - при обилии мес высокой личности голос никогда не повышается. Это я считаю огромным достоинством и драгоценной особенностью языка, знакомого мне и по 4Детству Люверс". (...)